

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Культура. - 1993 - 17 июля. - с. 2.

Есть некая историческая ирония в том, что имущественный процесс о разделе театра на Таганке собрал публику, которая не смогла уместиться в зале заседаний, как некогда не могла уместиться в театральном зале. Последняя премьера. Прощальный аншлаг.

Нет, премьеры еще возможно состоятся, как в одной, так и в другой части расколовшейся труппы, и дай им, как говорится, Бог, пройти успешно, дела это все равно не меняет.

Той самой Таганки, что зародилась в начале шестидесятых, озарила своим искусством молодость по меньшей мере трех поколений, той Таганки, что, вытеснив из народного сознания образ тюрьмы («Таганка, я твой бесценный арестант!»), и воплотила образ вызывающе дерзкого, непочтительного творчества, больше не существует.

Занавес, которого в этом театре зачастую не бывало, опущен.

Чисто теоретически давно было известно, что театры, как и прочие живые организмы, умирают в свой срок, иной раз даже продолжая чисто внешне призрачное существование, тем не менее свыкнуться с этой мыслью очень трудно.

Тем более что оның уж постыден этот конец — с публичными скандалами, с вызовом милиции, словно на разодравшуюся свадьбу, с матом прямо в телевизионный объектив.

Самое обидное, что вся эта финальная чернуха, как бы переречивает те высокие минуты счастья и вдохновения, которые сопрягаются в твоей памяти с одним лишь понятием «Театр на Таганке!»

Господи, да было ли это? Шатался ли я всю ночь по сентябрьской Москве после «Доброго человека из Сезуана»? Плакал ли, не стесняясь слез, на «Зорях»? Испытывал ли восторг патриотического самоотречения (только у нас так могут!) на прошедшем только раз или два представлении «Берегите ваши лица!»? Может, ничего этого и не было? Может, все это иллюзия, мечта, помрачение рассудка?

Это все равно, что под старость узнать, что самая большая любовь в твоей жизни, составившая ее непреходящее, ни с чем иным не сопоставимое счастье, с первого дня была игрой, забавой, изменой.

Опять же хорошо известно, что люди искусства в частной жизни сплошь и рядом не равны самим себе как творцам, не достигают, так сказать, до

морального уровня собственных художественных созданий. И все равно, когда узнаешь об очередном разрыве, распаде, разделе — театра, студии, редакции, союза, — испытываешь накат злой, иррациональной тоски.

Что за притча такая? Что за неизбежность? Неужто только в условиях неусыпного за собой надзора, перманентных проработок и чисток, постоянного к себе подозрения художники сохраняли подобие самоуважения и братской лояльности друг к другу? Почему, в самом деле, желанная свобода была понята ими прежде всего как свобода взаимного самуничтожения?

По зрелому размышлению склоняешься к догадке, что все дело в самой сути нашего передового гражданского искусства. Недаром бдительные цензоры и прогрессивные редакторы безотчетно с противоположных сторон смотрели на всякое произведение одними и теми же глазами. Одинокое прозорливо читали между строк. Первые, возбуждая собственную бдительность, отыскивали в нем крамолу, вторые, братски заглянув в глаза автору, с заговорщицкой теплотой осведомлялись: это против чего?

Таганка всегда была «против», благо что «чего» не приходилось искать. Против начальной тупости, против державного рабства, против социального унижения враньем и притворством... Не хочу сказать, что только угнетенному чувству справедливости, только «тайной свободе» удовлетворяли таганские спектакли, нет, душа очищалась и чисто эстетическим потрясением, посредством трагической иронии, служившей здесь излюбленным эстетическим приемом, и все же именно пафос морального сопротивления, нравственного противостояния неограниченной власти был оправданьем здешего художественного существования.

Как только потребность в нем, во всяком случае прямая, непосредственная, отпала, иссяк и родник творческих идей, а что всего хуже — пошло приком пресловутое братство избранных, единого прекрасного жрецов».

Вы скажете, у искусства есть и более важная экзистенциальная задача — противостоять вообще трагичности человеческой судьбы, сопротивляться хаосу и энтропии, независимо от того, какая власть теперь на дворе, наконец, бес-

корыстно служить прекрасно, как выражались некогда.

Все так, но именно этого наши творцы, похоже, и не умеют. Их ангажированность, потеря оправдания в борьбе с цензурой, трансформировалась в какую-то житейскую непримиримость, в агрессивный зуд раскольничества и злого сепаратизма.

Странно, но никто из апостолов и гордо ревавших буревестников вольномыслия этого не предвидел. Предполагалось, придет свобода — пиши, ставь, играй, твори все, что заблагорассудится. Но оказалось, что хочется скандалить и сутяжничать.

Такого хелпенинга не придумал бы и зловредный режиссер-авангардист. Спектакль в районном суде. Театр абсурда. Настоящий конец большой войны.

Вдруг пришло на ум, ведь отцы — основатели Московского Художественного общедоступного театра долгие годы тоже, мягко говоря, не питали друг к другу симпатий. Но будучи господами «с правилами», воздерживались от публичных высказаний отношений. И ради общего дела, ради искусства и зрителей поддерживали легенду о творческой дружбе и глубочайшем взаимоуважении.

Нет ли иногда смысла в том, чтобы дорожить легендами? Без них какое же творчество...

Ан. МАКАРОВ.